

И. Матвеев **Восприятие творчества Э. Бульвера-Литтона в России 1830–1850-х гг.** Томск: Том. политехн. ун-т, 2005. 241 с.

В книге рассмотрена эволюция восприятия творчества английского писателя Э. Бульвера-Литтона в России 30–50-х гг. XIX в., в связи с чем исследуются особенности рецепции романов Бульвера-Литтона русской критикой и журналистикой, устанавливается факт влияния творчества английского писателя на формирование поэтики русского романа и становление массовой литературы в России 1830–1850-х гг., а также выясняется значение прозаических переводов из Бульвера-Литтона для процесса эволюции эстетики и поэтики отечественного перевода.

Для преподавателей, студентов и аспирантов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами литературных взаимосвязей, переводоведения и историей русской литературы.

Это новое исследование из России о присутствии Э. Бульвера-Литтона в русском литературном окружении посвящено восприятию творчества Бульвера в России от 1830-х к 1850-м гг. с некоторыми ссылками на современные критические отзывы. Ирина Матвеева предваряет свое исследование введением, где сообщает, какие аспекты творчества английского писателя были наиболее близки русскому читателю XIX в.

Большинство романов английского писателя появилось в популярных журналах того времени, что, несомненно, притягивало читателей массовой литературы. Переводы этих и других зарубежных произведений были весьма приблизительны, и большая часть монографии Матвеева посвящена анализу различных интерпретаций прозы Бульвера-Литтона. Автор книги указывает, что переводческие теории в России развивались от передачи содержания с точки зрения идеального «вкуса» к стремлению донести дух оригинала. Однако ранние переводы произведений Бульвера-Литтона страдали от того, что их версия на французском языке была более доступна и именно с них осуществлялся перевод на русский язык. Тем не менее независимо от того, делался ли перевод с французского или непосредственно с оригинала, анонимные переводчики часто позволяли себе удалять фрагменты из текста и даже добавляли подходящие с их точки зрения фразы. В любом случае целью их обработки исходного текста было просвещение, т.к. их перевод был ориентирован на вкусы читателей того времени.

В своем обзоре романов Бульвера-Литтона и критической реакции на них в русской периодической печати И. Матвеева выделяет те особенности сочинений английского автора, которые интересовали русских читателей: его герои «отходили» от персонажей Гете и Байрона, приобретая более беспристрастный, часто ироничный взгляд на окружение, оставляя за собой право на

изменения и адаптацию к нему. Повествователь в романах Бульвера зачастую сам становился частью сюжета и иногда вступал в диалоги с автором произведения, что, по мнению И. Матвеевко, позволяет проследить развитие характера главного героя. Русскую критику Бульвер интересовал также в аспекте разнообразия жанров, с которыми экспериментировал писатель. Его работа в этом направлении предвляла русский классический роман, существовавший в первой трети XIX в. еще в стихах. Автор исследования предполагает, например, что Бульвер написал первый подлинно детективный роман (некоторые цитируемые ею ученые указывают, что ньюгейтский роман может считаться предшественником *«Преступления и наказания»*). Более того, английский романист представил описание социального окружения и различных слоев общества, которое заинтересовало русских читателей. И наконец, Бульвер продолжил развитие исторического романа, вводя в произведение конкретные исторические факты и уделяя больше внимания «реалистическим» элементам, как трактует И. Матвеевко, чем к тому привыкли русские литераторы. Действительно, В.Г. Белинский отмечает этот аспект прозы Бульвера, хотя он также критикует английского писателя за смешивание в своих произведениях идеализированных персонажей с реальными.

«Пелэм» Бульвера, сначала появившийся во французском переводе, был открытием для русской аудитории. Теперь русские читатели увидели не только байронического героя, отчужденного от общества, но и более позитивный персонаж, желающий улучшить самого себя и адаптироваться к обстоятельствам. В этом же романе представлены ироничные портреты представителей английского общества. Эти особенности показались инновационными для русских читателей.

Роман Бульвера-Литтона привлек и внимание Пушкина, подвигнув русского писателя к созданию своего *«Русского Пелама»*; отдельные отголоски оригинального Пелэма появлялись и в других сочинениях этого автора. Природа пушкинского интереса к Бульверу, как утверждает И. Матвеевко, подробно обсуждалась и рассматривалась литературоведами 1960–70-х гг. Существуют наброски *«Русского Пелама»*, снабженные заметками Пушкина, которые автор исследования описывает детально и последовательно как эволюцию *«Русского Пелама»*, так и не увидевшего свет.

Степень влияния Бульвера на Пушкина и природа этого воздействия так и остались предметом дискуссии. Возможно, английский писатель представил русскому автору идею для разработки собственного повествования: повествователь находится в стороне, что позволяет читателю увидеть внутренний мир героя, влияние окружающей среды на его становление. Этот факт подтверждается стремлением Пушкина развивать русский прозаический роман. Как английская, так и русская версия *Пелэма* имеют общие мотивы, такие, как ложное свидетельство, похищение невесты и дуэль. Пушкина привлекло также описание общества, на этот раз не в романтических тонах, представившее изображение конкретных общественных групп как «высшего», так и «низшего» ранга. Его, похоже, заинтересовало ироничное рассмотрение лондонского общества, его изящества и высокомерия в английском *«Пелэме»*. Может быть, он, по словам русских исследователей, увидел в персонаже ро-

мана Бульвера основу для создания героя, способного противостоять «деревянными фигурами» произведений русских массовых писателей, особенно Выжигину Булгарина. И. Матвеевко подробно анализирует эволюцию незавершенного замысла «Русского Пелама» в связи с английским романом, выявляет точки соприкосновения и расхождения двух произведений. Вопрос о степени влияния Бульвера на Пушкина остался, однако, нерешенным.

К середине XIX в., когда русская литературная сцена была поделена между представителями направления «искусство для искусства» и теми, кто отстаивал социальную значимость литературы, переводы зарубежных произведений играли значительную роль в развитии жанра романа. Зарубежная массовая литература переводилась для читателей популярных журналов, и Бульвер чаще всего попадал в эту категорию писателей. Автор исследования рассматривает несколько произведений английского писателя, сравнивая отрывки из оригинальных текстов с их переводами на русский язык, начиная с *«Рейнских пилигримов»*. Жанр этого сочинения, по мнению И. Матвеевко, не поддается типологии, однако она относит его к роману путешествий (первый перевод был сделан с французского в 1835 г., затем появился перевод отрывка произведения, выполненный Коршем). За подробным сравнением французского, английского и русского текстов следует анализ их достоинств и недостатков в передаче значения и духа оригинала. Интересно отметить свободу, с которой некоторые переводчики создавали свои версии, как с положительным, так и с отрицательным результатом.

«Последние дни Помпей» значительно пострадали от рук переводчиков, слишком озабоченных сокращением текста для читательского спроса. Тема христианской веры, постепенно сменяющей помпейских богов, определенные второстепенные характеры, описание гладиаторов и рабов как социальных групп и многие другие описания Помпей были отданы в жертву истории любви главных героев. В целом, идеологическое содержание оказалось упрощено в соответствии с требованиями массовой литературы. Возможно, читатель ожидал получить яркое впечатление от английского романа из-за недавно появившейся в то время картины К. Брюллова, изображающей гибель Помпей и привлекающей значительное внимание к себе. Вероятно, некоторые читатели могли почувствовать, что *«Последние дни Помпей»* не оправдали их ожиданий.

Перевод *«Помпей»* 1842 г. с французского также анализируется с точки зрения достоинств и промахов отдельных отрывков. Интерес представляет мнение анонимного переводчика о том, что историческое повествование, как и перевод исторического романа, преследует просветительские цели, предположительно, изучение истории – мнение, которое разделяли многие русские литераторы того времени. Этой идеей объясняются и причины дальнейшей популярности Бульвера в России.

Что касается романа *«Какстоны»*, И. Матвеевко указывает на его сходство с романами Теккерея и Диккенса, отмечает растущие потребности в реалистическом изображении жизни, а также интерес русских читателей и писателей середины XIX в. к социальным проблемам. Пространное сравнение сделано на основе переводов *«Какстонов»* в двух русских журналах. По

крайней мере, в одном случае перевод можно назвать адекватным. Каждый из вариантов имеет свои достоинства и недостатки, однако основной проблемой остается тот факт, что добавления, пропуски, коррекции оригинального текста, сделанные зачастую рукой низкооплачиваемого и торопящегося переводчика, мотивировались желанием как можно быстрее создать материал, привлекающий читателя массовой литературы.

Хотя И. Матвееenko делает ссылки на другие сочинения Бульвера, в книге отсутствует библиография, которую следовало тщательно собрать из текста и ссылок к каждой главе. Отметим также, что есть романы, которые не рассматриваются в ее исследовании, но которые тем не менее были известны в России.

Фокус исследования затем перемещается с 1850-х гг. на более поздний период восприятия Бульвера-Литтона. Несмотря на изменение вкусов в России, английский писатель оставался популярным и после 1850-х гг., его репутация еще более укрепилась после появления биографии автора, написанной его сыном и опубликованной в 1883 г. (ссылки в конце главы включают и статьи по этой биографии). Конечно, внимание, проявляемое к нему, может быть частично объяснено интересом к археологии и истории, появившимся в то время, но его сочинениями, хотя и не всегда считавшимися первоклассными, восхищались и благодаря их художественным достоинствам. В этот период некоторые критики обвиняли Бульвера в изображении характеров, подобных марионеткам, и в отсутствии психологической тонкости, но они же и ценили его исчерпывающее, научное исследование материала, его богатое воображение.

Хотя в целом сформировалась тенденция литераторов и критиков причислять Бульвера скорее к массовой литературе, чем к литературе первого ряда, значительная роль английского писателя в становлении достоинств русского романного повествования, как предполагает И. Матвееenko, может стать предметом будущего и более основополагающего исследования.

Philip Rand (Филип Ранд),
Master, Scuola Superiore per
Interpreti e Traduttori, Roma, Italia